

Карышев Иван А.

Жизнь, смерть и возрождение

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван А. К.**
Жизнь, смерть и возрождение / Карышев Иван А. – М.: Книга по Требованию, 2023. –
177 с.

ISBN 978-5-519-88560-7

ISBN 978-5-519-88560-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МЕДИУМИЧЕСКОЕ СООБЩЕНИЕ МАРИИ.

I.

Августа 19-го дня 1899 года.

Миръ вамъ! Вотъ и я — Таня. Со мной пришла еще душа; одна дама изъ благородныхъ. Я ей общалась; уже очень она несчастна; Богъ съ ней. Вотъ я такъ разумѣю; пусть покалякаетъ съ вами. Умерла она недавно. Она теперь изъ скорбныхъ. Она не врукъя, нѣтъ, она хорошая душа; а такъ несчастная. И добрая какая она. Право, послушайте ее, коли хотите.

В. — Мы очень рады. Проси ее, Таня, сказать, что ей надо.

О. — Она будетъ говорить, я же буду писать то, что она говорить:

Марія. Миръ вамъ. Простите, что можетъ не во время. Я — Марія. На землѣ я была русская. Умерла я лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ; точно не знаю, у насъ трудно время сосчитать. Живу теперь между несчастными и много, много и очень много выстрадала. Я одна изъ тѣхъ, которыми полонъ міръ земной.

На землѣ я была изъ очень хорошей семьи; была прекрасно воспитана; всегда вращалась въ высшихъ кругахъ общества; и была, какъ у васъ называютъ, замужемъ. Бывала я и заграницей; блистала и въ столи-

цахъ; но тогда жила въ Россіи, въ одномъ изъ большихъ уѣздныхъ городовъ. Если бы вы спросили въ томъ городѣ про меня и нашелся бы кто либо, кто меня еще помнить, то навѣрное онъ сказалъ бы вамъ: «Да, знаю, это была извѣстная красавица, умница, какихъ мало, интересная женщина, примѣрная мать, честная жена. Но угасла она рано, никѣмъ не оцѣненная».

А между тѣмъ, какъ страшно грѣшна, эта отиѣнная дама. Сколько она перестрадала за всѣ свои земныя мнимыя добродѣтели; и сколько, сколько раскаявалась она въ своихъ мерзкихъ поступкахъ!!...

И вотъ, когда жгучая боль прошла, я невольно оглянулась на землю и вспомнила, какъ много тамъ такихъ же какъ я. Одинъ изъ нихъ можетъ быть хуже меня; другія лучше, но какъ много изъ нихъ имѣютъ въ себѣ зародыши всѣхъ моихъ грѣховъ. Всѣ онѣ рабы своего времени, своего общества и его губительной моды. О! какъ глубоко мнѣ стало жаль ихъ, моихъ сестеръ во Христѣ. О! какъ неправильно онѣ понимаютъ свой жизненный вопросъ и цѣль своей жизни!

Я долго мучилась, обдумывая вопросъ, какъ мнѣ помочь имъ и какъ вразумить ихъ. Узнавъ, что теперь на землѣ можно печатать сообщенія духовъ, я рѣшила подробно рассказать свою жизнь и смерть и всѣ свои страданія; и если бы хотя одна изъ такихъ несчастныхъ, какъ я, не только исправилась бы, но хотя бы немного одумалась, я была бы счастлива и считала бы, что искупила свои мнимыя добродѣтели.

Таня. Она задумалась, стоитъ смирно и тихо молится; подождите немного.

Марія. Итакъ, я уже сказала, что я изъ хорошей и честной семьи; была замужемъ за военнымъ; онъ занималъ мѣсто очень видное; собою я была красива; а при стараніи я была настоящая красавица. Мужъ былъ

человѣкъ добрый и ласковый. Было у насъ трое дѣтей. Нужды, конечно, мы не знали, и хотя не было богатства, но довольство было полное.

Мать я была хорошая, т. е., я любила своихъ дѣтей на столько, что желала, чтобы они были здоровы, порядны, хорошо воспитаны. Очень вѣроятно, я огорчилась бы, если бы они вышли ворами или развратниками. Но они опечалили бы меня еще больше, если бы стали погрѣшавать противъ правилъ салонной порядочности или свѣтскихъ приличій. Дальше же моя любовь не шла съ самаго рожденія ихъ.

Я даже не кормила своихъ дѣтей; во первыхъ, потому, что это портитъ цвѣтъ лица; а потомъ, къ чему мнѣ не спать по ночамъ и все время сидѣть дома? Доктора, конечно, нашли, что мнѣ кормить вредно; мужъ тоже хотя и пожалѣлъ сперва, но согласился потомъ.

Итакъ, дѣтей кормили чужія, нанятые матери; потомъ ихъ нянчили няньки и бонны; все—какъ должно быть, къ несчастью, у васъ на землѣ.

Хозяйка, я тоже была хорошая: всегда нашъ домъ былъ полной чашей и, сколько бы ни приняли гостей, всегда находили сытный, вкусный и даже роскошный обѣдъ. Что было мнѣ за дѣло, что часто приходилось дѣлать долги, обшчитывать прислугу, а мужу трудиться черезъ силу.

Жена,—о! жена я была въ высшей степени честная. Проживя съ мужемъ пятнадцать лѣтъ, я ни разу не измѣнила ему; хотя кругомъ меня, какъ пчелы, ронлись мужчины; хотя я ночи не спала, сидя, танцуя и забавляясь съ ними. Сколько народу всегда вздыхало и мечтало около меня; сегодня одинъ надѣется, завтра другой, но я! — я, вѣдь, честная женщина.

А сколько нужно было имѣть ума, живости, прѣтворства и ловкости, чтобы при ограниченныхъ средствахъ

затмѣвать собой дѣвицъ и другихъ моложе меня женщинъ. Сколько находчивости, чтобы всѣхъ держать при себѣ, дурачить ихъ, и отъ нихъ же принимать невинные подарки.

Развѣ мнѣ могло прійти въ голову, что я вѣтъмъ не отличалась и, въ сущности, была даже хуже тѣхъ несчастныхъ надменныхъ женщинъ, которыя въ-за куса хлѣба шатаются по ночамъ? О! — о такихъ я и думать не могла — это, вѣдь, грязь.

Даже мужъ мой гордился моимъ поведеніемъ; онъ говорилъ: «У ногъ моей жены всѣ, а она какъ королева только раздаетъ улыбки». Ахъ! сколько людской гордости и счастія было въ этихъ словахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ столько ошибокъ кроется во всемъ этомъ пониманіи вещей, что теперь мнѣ страшно вспомнить обо всемъ, что было. Тѣмъ болѣе, что иногда я дарила и большее, чѣмъ однѣ улыбки; но все, конечно, въ предѣлахъ салоннаго приличія.

О! какъ сама я была строга къ другимъ; о! какъ я порицала пороки; и помню, какъ немилосердно я страшила дѣвушку, которая отдалась, полюбивъ одного. Я первая перестала ей кланяться и прекратила всякое знакомство съ домомъ. Да, все это очень больно!... я страдаю, вспоминая объ этомъ.

Дайте мнѣ собраться съ силами.

Рѣчь моя путанная, но что за дѣло, — я очень волнуюсь. Кому надо, пойметъ меня, лишь бы ударило его въ сердце. Не правда ли? Ну, и отлично.

Такъ, вотъ какъ, я жила долгіе годы. Все наряды, поклонники, вѣчная дума о своей красотѣ, о своемъ первенствѣ въ обществѣ, вѣчная забота объ удовольствіяхъ и комфортѣ...

Даже порядочной книги я не читала. Не слыхала или, лучше сказать, не хотѣла слышать ни одной здоровой и

умной мысли. Если брала книгу, то навѣрное это былъ модный, пикантный романъ, если говорила, то вѣчно тѣже глупо-салонныя рѣчи съ моднымъ притворнымъ смѣхомъ,—и, несмотря на это, какъ всѣ меня уважали, какъ любили! за что?! — за что?!... Спрашиваю я теперь себя и не нахожу отвѣта. Одно можетъ быть, — это, что болшинство было такое же, какъ и я.

О, Господи! какъ все превратно у васъ на землѣ!...

Вотъ, такъ шло время. Дѣти стали подростать; нужно было учить; у меня были дочь и два сына. Нужна была гувернантка. Нашлась прїѣзжая дѣвушка, тоже изъ хорошей семьи, но, конечно, бѣдная сирота; недурна собой, даже, скажу, красива. Впрочемъ, я замѣчала и цѣнила только свою красоту. Поселилась она у насъ. Ну, что тутъ важнаго, думала я; что можетъ измѣнить въ домѣ какое-то существо, полуприслуга, безгласная, ожидающая подачки.

Да! горько! очень горько все это!.. Сколько такихъ же несчастныхъ дѣвушекъ, но кто заботится о нихъ; кто помогаетъ имъ облегчить ихъ печальную участь? — по теперь дѣло не въ ней.

Жила она у насъ, не помню сколько времени; но вотъ, что стало странно: дѣти охладѣли ко мнѣ; дочь какъ-то странно смотреть, а когда я собираюсь въ гости, то на губахъ ея я замѣчаю что-то въ родѣ презрительной улыбки.

— Ты опять въ гости, сказала она разъ, а мы все дома.

— Да, а какъ же? и страннотъ мнѣ твой вопросъ; а гдѣ же дѣти должны быть какъ не дома? У васъ все есть. Что вамъ еще надо?

— А что ты тамъ дѣлаешь?

Этотъ вопросъ озадачилъ меня. Что я тамъ дѣлаю? Да, въ самомъ дѣлѣ, что я тамъ дѣлаю?—спросила я мысленно въ первый разъ сама себя.

— Ты глупа, отвѣтила я ей.

Другого отвѣта нѣтъ въ моей головѣ. Вѣдь, не могу же я сказать ей, что я тамъ кружу головы мужчинамъ, по-дурацки пляшу и чуть не продаю себя. Вопросъ этотъ испортилъ мнѣ вечеръ. Онъ цѣлый вечеръ неотвязно стоялъ въ головѣ. Но ко всему этому я скоро какъ-то привыкла, я дѣти, говоря вообще, очень мало стали меня беспокоить.

Но вотъ, что стало еще страннѣе для меня: что отецъ ихъ вдругъ какъ будто опалъ; сталъ уставать; и монми побѣдами пересталъ восторгаться. Когда я ему передавала свои восторги, онъ сталъ отвѣчать вяло; а разъ даже сказалъ:

— Да, но все это такъ пусто, а дома безпорядки, долги. Если бы не мадемуазель Ольга, то дѣти до сихъ поръ не умѣли бы молиться. Вѣдь, дочери нашей уже девять лѣтъ; вѣдь, это—стыдъ и срамъ, подумай хорошенько.

— Молиться? — да, молиться? Но, вѣдь, я и сама никогда не молюсь. Конечно, я вѣрю въ Бога, но я думаю, что какъ Ему до меня, такъ и мнѣ никакого дѣла другъ до друга нѣтъ. Говѣть, я говѣла; потому, вѣдь, это нужно, и потому-что это такъ интересно; дней пять быть все въ черномъ, скромно; ходить въ церковь, гдѣ съ благоговѣніемъ стоять сзади толпой поклонники, не смѣя и слова сказать. А какъ я умѣла граціозно класть поклоны. Но развѣ все это дѣлалось для Бога? Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, — а такъ, — разнообразіе. На шестой день причастіе, пиръ, подарки, цвѣты, бѣлое платье и проч. Такъ и дѣтей я приобщала, когда имъ шили новыя платья. Нужно же гдѣ-нибудь и дѣтей показать въ новомъ. Да и о чемъ молиться? Боленъ кто — доктора надо; денегъ нѣтъ — надо занять гдѣ-нибудь; по службѣ мужу что-нибудь надо — можно уладить, покормить кого слѣдуетъ или взятку дать. Ну, о чемъ же молиться? Вѣдь, молятся только ханжи.

Удвинулъ меня мужъ, говоря: «Выучила плясать, брэнчать, вздоръ говорить, но ни одной молитвы». Что-жъ, у всякаго свой взглядъ на вещи.

Но уже сѣмья раздора упало. Причина всему этому—Ольга, рѣшила я; да при томъ, что это все обозначаетъ? къ чему это? и какое дѣло мужу до дѣтей? Надо отстранить Ольгу; но какъ? Она такъ услужлива, такъ привязала къ себѣ дѣтей и расходовъ при ней меньше. Она и по хозяйству хлопочетъ, она и на дѣтей шьетъ; глупо ее удалять,—но что же дѣлать?—Нужно же какъ-нибудь устроить все. Однако, подожду, рѣшила я, еще увижу, что дальше будетъ.

Вихрь свѣта опять унесъ меня. Изгнаніе Ольги тѣмъ болѣе было бы не кстатн, что тутъ начались живыя картины, театры; нужно устраивать костюмы, а Ольга такъ бываетъ находчива въ этихъ случаяхъ.

Но тутъ еще одна важная забота явилась — одинъ графъ пріѣхалъ въ нашъ городъ. Онъ молодецъ, красивъ, богатъ, но странно: онъ до сихъ поръ какъ будто не замѣчаетъ меня. Ужъ не постарѣла ли я, или это просто уловка задѣть меня за живое? Господи! какъ все это было пошло, глупо, стыдно мнѣ и говорить вамъ. Но нужно, нужно говорить, а иначе вы не поймете меня.

Таня. Отдохните немного, она думаетъ и молится. Она очень волнуется.

Марія. Да! Вы не повѣрите, какъ тошно мнѣ переживать все это еще разъ; но можетъ, Богъ дастъ, что это будетъ въ послѣдній разъ. Можетъ, это принесетъ пользу, можетъ, моя жизнь будетъ зеркаломъ для многихъ женщинъ! Бѣдныя, бѣдныя онѣ! — повѣрите ли, я не могу видѣть безъ содроганія и слезъ вашихъ *порядочныхъ женщинъ, нѣжныхъ матерей и честныхъ женъ:* душа скорбитъ.

Таня говоритъ, что вы уже устали? Ну, если вы позво-

лите, я приду еще разъ; въ одинъ разъ всего не скажешь; я забыла, что у васъ есть время.

Не гнѣйте меня и позвольте все, все сказать, пусть неинтересно вамъ,—но я, ради Бога, прошу. Если бы вы видѣли, какія кровавыя слезы текутъ изъ глазъ моихъ; сколько тоски и горя въ нихъ и можетъ съ моими слезамъ все, все это выльется и многимъ станетъ легче.

Таня. Она ушла; ну, что, видите, какая она несчастная?

В. Ты устала, Таня?

О. Я не устала, но она очень волнуется и мнѣ жаль стало ее. Пусть отдохнетъ, сердечная; потомъ, въ другой, разъ легче ей будетъ. Ну, пойду и я.

II.

20-го августа 1899 года.

Миръ вамъ. Это я—Марія. Простите, пока не выскажусь, не успокоюсь, это я ужъ чувствую.

Видно, Господь ссудилъ мнѣ все высказать, сложить съ себя это ужасное бремя на землѣ. Здѣсь набрала его, здѣсь и сложить его надо.

Въ прошлый разъ я сказала вамъ, что пріѣхалъ графъ; ну, этотъ графъ имѣлъ большое значеніе. Онъ какъ будто не замѣчалъ меня, а между тѣмъ каждый день встрѣчались то у однихъ, то у другихъ знакомыхъ и такъ все дѣло шло, а меня-это уже начало бѣсить и волновать.

Никогда я такъ много не думала о себѣ, о своихъ нарядахъ, а тутъ устраивались разные увеселенія и даже живыя картины.

Вы, конечно, знаете, что это за картины. Большею частью онѣ дѣлаются для бѣдныхъ. Ну, что же, чѣмъ не доброе дѣло принести свою красоту на пользу низшей братии. Сыты ли они отъ того будутъ, это вопросъ другой; но хлопотать намъ надо.

И вотъ я готовилась выступить въ одной такой кар-

тинѣ. Это было что-то очень громкое: не то царя цвѣтовъ, не то весна, а въ сущности бессмысленный вздоръ. Вся я была занята своимъ нарядомъ: утромъ пьютъ, въ полдень ѣзжу къ знакомымъ за совѣтами или сама ихъ другимъ даю, а вечеръ опять засѣданіе; а въ головѣ все графъ, да графъ. Два, три вѣжливыхъ слова и какъ будто меня нѣтъ, совѣтъ меня не замѣчаетъ.

Ну, вотъ и вечеръ съ картинами насталъ. Мужъ заранѣе сказалъ мнѣ, что не поѣдетъ, что нездоровъ и много сѣшней работы. Онъ вообще въ послѣднее время какъ будто дулся на меня и, чего никогда не было, по-немногу порчалъ, что много денегъ выходитъ на вздоръ.

Итакъ я должна была выступить на показъ. Мнѣ почему то показалось, что это очень важно; какъ будто отъ этого зависла вся моя судьба. Я одѣлась, или, лучше сказать, раздѣлась, потому что нужно было все показать сколько допускало приличіе. Вся картина представляла изъ себя нѣчто чрезвычайно глупое. Это была какая то золотая колесница, вся усыпанная цвѣтами и вся въ цвѣтахъ и все цвѣты и цвѣты. Да, цвѣты очень шли ко мнѣ и я ихъ много истребляла. Я чувствовала отвращеніе къ искусственнымъ цвѣтамъ и носила только живые. Стоило это очень дорого.

Вотъ, наконецъ, меня показали. Было много цвѣтовъ, блеску, красоты, и я знала, что вблизи сидитъ графъ и смотритъ на меня. Это-то и составляло всю сущность моего въ то время существованія. И дѣйствительно, долго и много разъ показывали меня; много аплодировали и это меня нисколько не утомляло, напротивъ, я чувствовала въ себѣ весь восторгъ толпы и для меня это было упоеніе. Когда все кончилось, я вошла переодеваться. Но когда я вышла изъ уборной, первый, кто меня встрѣтилъ — это графъ съ букетомъ дорогихъ и роскошныхъ цвѣтовъ.

Но что много говорить; весь вечеръ онъ не отходилъ отъ меня, и я чувствовала, что-то новое въ моемъ сердцѣ, можетъ быть, я люблю его или начинала любить— не знаю.

Когда я ѣхала домой, я подумала о мужѣ:

— «Вѣрно, спать; тѣмъ лучше; можно разобраться и тогда послѣ когда-нибудь рассказать ему; а то въ пылу что-нибудь и лишнее скажешь».

Но представьте мое удивленіе, когда я вошла домой, я нашла такую картину: мужъ мой сидѣлъ и съ нимъ Ольга; она ему что-то читала. Эта мирная картина кольнула меня, но они нисколько не смутились. Эти чистые, голубые глаза поднялись на меня и въ нихъ было столько чистоты, столько честности и простоты.

Терпѣть никогда не могла я голубыхъ глазъ. Это нѣтъ, который всегда раздражалъ меня; я всегда избѣгала голубого цвѣта, этотъ цвѣтъ какъ будто что-то напоминалъ мнѣ непріятное или укорялъ меня. Да, это вѣрно.

Я не знала, что сдѣлать и что сказать,—я смутилась. Ольга вышла, а мужъ спросилъ:

— Ну, весело было?

Я процѣдила сквозь зубы ни да, ни нѣтъ; а онъ говоритъ:

— А намъ такъ было очень весело.

— Рада за васъ, сказала я, и ничего не стоило, такъ хорошо.

Какъ прошла ночь, не помню. Но утромъ, или, лучше сказать, въ полдень, когда я встала, меня вдругъ какъ будто ударило что-то: «А если эта Ольга отобьетъ моего мужа? Необходимо прилично отказать ей, и такъ уже мужъ не тотъ, и дѣти меня чуждаются. Что это за змѣя, которую я пригрѣла у себя въ домѣ. Больше ждать глупо» — рѣшила я.